

Денис РЯБЦЕВ

ДЕЛО ТАБАК

18+

Денис Рябцев

Дело табак

«Автор»

2017

Рябцев Д. Е.

Дело табак / Д. Е. Рябцев — «Автор», 2017

Роман «Дело табак» - это обширная и глубокая история о современном провинциальном укладе, написанная классическим русским языком. Главный герой - журналист - едет в рейсовом автобусе и оказывается запертым в заброшенном гараже производственной базы. Вместе с другими пассажирами. Бездна обычных людей, за которых некому заступиться, подчеркивает глубокий замысел произведения – констатацию всех противоречий современной действительности. Одновременно развивается повествование о заезжих политтехнологах, которые готовят местную партийную элиту к избирательной кампании, излагая курс полевого политического кунг-фу. Профессор экономики рассказывает о системных ошибках современности. Перед читателем разворачиваются яркие истории, которые помогают воспринимать контекст с безоговорочной достоверностью. Финал истории, в котором пленники получают избавление, оказывается совершенно неожиданным.

© Рябцев Д. Е., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Ликбез от заезжих технологов	6
Ночной променад	9
Бунь не может быть вечным	13
Особый паблик	15
Химия разных противоположностей	19
Пятьдесят рублей навара	22
Печальный поиск позитива	25
Тупые мухи смелее пчел	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Денис Рябцев

Дело табак

** (все события и персонажи – плод литературной фантазии автора. Любое совпадение с реальными общественными и политическими деятелями – случайно).*

Ликбез от заезжих технологов

Мандалаи подъехали на очередные выборы, чтобы с провинциальных нив соскрести самый смак от жирной пенки. Кто-то из них уже был вполне легализован в России и даже имел свой небольшой пельменный бизнес в Красноярске. Другие – спустились с Арарата, побросав на грядущее полугодие свои отары. Третьи – кубанские виртуозы сольфеджио и баяна, отложившие на время клавиры. Четвертые – юридической казуистики кружевные мастера, пятые – знакомые и подруги тех, кто имел свой полуфабрикатный бизнес и овечьи гурты в горах. В общем, полноценная кормовая цепь крутых специалистов политического продвижения, словно готовая академия с обозами хозяйственного обеспечения, имеющая на своем счету якобы не один десяток региональных и федеральных побед. Их липкие конечности уже тактильно ощущали пачки ароматного нала, которые они устанут заталкивать в свои потрепанные кожаные сумки. Чужады появились как-то сразу по всем фронтам, заняв город, разложив на большинстве поверхностей свою нарочито яблочную аппаратуру в виде айфонов и айбуков. В городе тут же закончились свободные гнезда в розетках, а оборот элитного алкоголя и фуагры в торговых сетях существенно пошел в гору. Появление пришлых носило формат такой неизбежности, что вся остальная местечковая шушера как-то сразу растеряла весь свой энтузиазм.

В Красном доме областной власти было устроено закрытое собрание с партийцами, местными активистами и лояльными средствами массовой информации, на котором представили главных теоретиков грядущей избирательной кампании от партии власти. Местные, понимая, что им напрямую уже не сосредоточить в своих карманах финансы, поспешили наладить с пришлыми технологами самое тесное взаимодействие по грядущему сотрудничеству.

– Это Богдан Левко, – объявил собравшимся губернатор, – Он будет начальником всей пропаганды. Стоит ли мне напоминать, что за результат выборов отвечаю лично я?

По залу распространилось глубокое понимание генерального тезиса. Богдан же – круглолицый карапуз лет тридцати с небольшим хвостиком, восседал рядом с главой региона, пытаясь демонстрировать интеллект и целеустремленность своих слегка жадных, но необычайно глубоких глаз. Родившийся в Якутске, он не имел никакого родства ни с белым генералом Толей Пепеляевым, ни с красным героем Ваней Стродом, но где-то на уровне элементарных частиц хранил наследственную память родной земли – нет ничего хуже сырого мороженого мяса и грязного, пропитанного страданием снега. Именно поэтому с самых грудничковых кудрей пухлые ножки Богдана уже тянули его прочь от улусов. Не наделенный талантом усердия, он рассчитывал всегда только на свое обаяние и умение держать крыло по восходящим термическим потокам. Этих данных вполне хватило, чтобы получить образование в одном из известных московских вузов и влиться в пеструю команду детей лейтенанта Шмидта, которые бороздили по стране с интеграционными проектами в сфере социально-политических концепций, евразийской интеграции, консалтинга и прочего помпезного ажюра, который никого не делал лучше, но статусно наполнял любую повестку.

По случаю в Бельгоград на собрание в Красный дом прибыл и главный московский технолог – Боря Бабель, за которым закрепилось амплуа знатока Гольфстрима федерального океана, и он должен был не просто курировать всю кампанию целиком, но правильно уловить и ретранслировать все пожелания Кремля, если в обозримом будущем таковые созреют. Борис проявил демократичный подход, в президиум не полез, а занял первый ряд зала заседаний, любуясь происходящим действием с места рядового зрителя. Его голова, попавшая в квадрат оконного света, выглядела отрезанной от вальяжно раскинутого на кресле тела и светилась оранжевыми ушами в ореоле утреннего абриса. Близко посаженные глаза от вертикали небольшого горбатого носа излучали уверенную непринужденность, а вкупе с тонким разрезом губ

и торчком стоящим ежиком на макушке, лицо напоминало старый портрет рядового фрица, наспех запечатленный походной «Лейкой». На коленях Бабеля лежал простой лист, исполненный в цвете, на котором размашистым кеглем была воспроизведена программа консультационного семинара «Предвыборные стратегии и работа с убеждениями».

За спиной Бабеля, подпирая коленями спины друг друга, помимо активистов, понаехали на заседание вице министры, не импортозамещенные омбудсмены, руководители аппаратов и пока еще незарегистрированные кандидаты, бьющие копытом, чтобы не опоздать проявить себя.

– Итак, – объявил губернатор, – Предоставим слово нашим гостям.

Богдан, заулыбавшись, кивнул.

– Уважаемые коллеги, – начал он из президиума, – Мы открываем наш семинар с вводной лекции «Теория доминирующего стереотипа и образы», подготовленной ведущими политическими технологами нашей консалтинговой компании «Бабель». Предлагаю вашему вниманию небольшую презентацию для наглядности.

Богдан вытащил на всеобщее обозрение дистанционный брелок, призванный оживить проектор, но чуда, увы, не случилось и экран, расположенный у подножия пюпитра остался стоять мертвым. Левко ринулся к оборудованию, одновременно со своего места вскочил и Бабель. Эксперты, чуть не столкнувшись лбами у небольшого стола с ноутбуком, начали танцевать над клавишами, демонстрируя собравшимся задние кармашки на своих брюках. Через недолгую паузу блеклая картинка на тряпчатом экране проявилась, и технологи потратили еще пару минут на организацию худо-бедного затемнения громадного окна зала заседаний.

– Ну, вот, – продолжая уже забытое публикой вступление, вновь приступил к повествованию Левко, – Как вы теперь видите, на первом слайде указано, что в основе стратегии всегда лежит ответ на элементарный вопрос – почему избиратели должны проголосовать именно за нашего кандидата или нашу партию?

Зал безразлично рассматривал слайд, который был маркирован корпоративной символикой консалтинговой компании, там же красовался человечек с шаром вместо головы. Нарисованный персонаж почесывал, видимо, затылок, выбирая один из пяти кирпичей, стоящих непосредственно перед ним.

Со своего первого ряда, развернув торс к залу, подал голос Бабель, который уже успел нацепить на лицо очки и теперь еще больше смахивал на обладателя «Шмайссера» со старой фотокарточки:

– Друзья, активнее, – замахал руками Борис, – включайтесь в работу. У кого есть ответ на заданный вопрос? Почему избиратели должны проголосовать именно за нашего кандидата или нашу партию?

С трибуны на собравшихся поднял глаза губернатор, оторвавшийся от просмотра своего планшета. Залу безудержно захотелось выступить с какими-либо неглупыми мыслями, и первые робкие запястья устремились вверх.

– Да, да, коллеги, смелее, – подбодрил делегатов Левко, – Не надо тянуть руки. Вставайте, предлагайте ответы.

Первая фигура из зала привела себя в вертикальное положение, передав сумочку сидящей рядом соратнице:

– Я думаю, – пространно начала женщина, – что...

– Прошу прощения, – перебил ее Бабель, которому неожиданно стало весело среди этих прекрасных людей, – Представляйтесь, пожалуйста! Имя, должность, номер паспорта.

По залу пробежал легкий и тщательно сдерживаемый смехок.

– Это Зоя Онаньевна Фурер, – представил дамочку губернатор, – она успешно руководит рядом направлений работы в областном правительстве. Это я для приезжих рассказываю, потому что Зою Онаньевну в Бельгограде знают все.

Фурер действительно носила медийное лицо, постоянно мелькавшее в праймах. Однако едва ли кто-то мог внятно сформулировать, какой круг вопросов находился в ее компетентном ведении.

– Избиратели должны голосовать за стабильность, – выдала на-гора Фурер, – Ведь известно, что только наша партия несет ответственность за то, что есть.

– Отлично, – вскочил со своего места Бабель, – А как вам общедомовые нужды, отмена компенсаций по уплате тарифов ЖКХ? Или вы думаете, что оппозиция простит нам это?

Фурер надула губы, потому что не готовилась к уточнениям.

– Я не прошу на этот вопрос ответить сейчас, – выручил ее технолог, – Но найти аргументы нам с вами непременно придется. За коммуналку, за рабочие места, за дороги. Нас будут полоскать по всем потенциально провальным темам. И желательно, чтобы наши тезисы не вызвали новых вопросов. Не укрепляли сомнения. Вот, о чем я хотел бы вас всех попросить. Зоя Онаньевна, спасибо, что вы включились в работу. Будем продолжать размышлять, делиться нашими мыслями. Мы для этого сюда и приехали, чтобы выработать общую модель поведения, которая приведет нас к победе. Присядьте, пожалуйста.

Зоя, бросив недовольный взгляд на губернатора и, поймав его одобрителный прищур, заняла свое место, зло выдернув сумку из рук сияющей помощницы, которая стала свидетелем неловкого выступления начальницы. Они, заместители, давно окрестили жеманную красотку «Змеей Особой Ядовитости». Но Зою наверху ценили за очарование, под которым умело пряталась святая невинность, позволяющая ей без обиняков требовать от избиркомов – явки, от казаков – сплоченности, от загсов – рождаемости. Она каким-то чудесным образом ставила важные точки в самых натужных и непримиримых конфликтах, умея сформулировать те некомпетентные глупости, которые становились самым удачным жизненным планом.

– Итак, – продолжил выступление Левко, – Борис сейчас наглядно показал, что нам надо основательно подумать над тезисами. И это – сложно. Очень сложно. Пусть это пока переварится в наших с вами головах. Вернемся же к презентации. Мы видим, что вопрос о том, почему именно за наших кандидатов должен проголосовать избиратель, это и есть основа нашей стратегии и генеральной линии. Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны понимать мотивы избирателей. Знать мотивы каждого невозможно, поэтому существуют модели электората, из которых и исходят разные подходы к подготовке стратегии.

Богдан продолжал напевать свой доклад, сравнимый по увлекательности лишь с курсом научного коммунизма, листал слайды и иногда подключал зал к интерактиву.

Ночной променад

Было около двух часов ночи. Редактор шел неспеша вдоль последнего ряда многоэтажек, заканчивающих город Бельгоград, и пространно рассматривал причудливые узоры грязного снега, образовавшиеся на еще недавно бодрых сугробах. Около полутора часов назад он еще спал на разложенном диване своей квартиры, не предполагая менять состояния до утра. Теперь же, придерживая сползающую с плеч сумку, он проходил мимо указателя Ленинского района, созданного еще в Советскую эпоху. Монументальный обжинок возвышался над сугробом, из которого торчали сухие верхушки прошлогоднего татарника, будто колючие пальцы спрятавшегося под саваном кощея. Еще час назад, ненароком разбуженный, он в который раз вынужден был выяснять отношения с женой после чего отправился прочь из дома куда глаза глядят.

Часы показывали три. Леди с автозаправки, получив последнюю сотню из кошелька пешехода, безразлично потребовала добавить двадцать рублей мелочью, чтобы она могла дать на сдачу полтинник. Поковырявшись по карманам, редактор набрал пятаков и получил взамен синюю купюру банка России и такого же цвета новую пачку отравы.

Отдавая пятаки, герой вспомнил, как много лет назад, может быть спустя полугодие после свадьбы, они с женой с трудом перебивались между зарплатами. Деньги по стране задер-

живали всем, народ непостижимым образом сохранял себя. Те, у кого получалось не оказаться на коленях в лесах за какие-либо долги соседям и родственникам. Последыши поколения победителей в который раз всей нацией выживали вопреки, копошась на грядках, делая по случаям продуктовые запасы, решая спорные вопросы у бандитов, которые тогда в Бельгороде представляли реальную власть. Молодая семья, ожидавшая уже свою первую девочку, снимала у прижимистой бабки часть засыпного дома без удобств, полного мышей и сквозняков. Мыли посуду и друг друга в тазах заранее подогретой на печи приносной водой. Мучились со снегом, которого было безобразно много и сугробы вокруг узкой дорожки к туалету вырастали в два человеческих роста. В один из дней, исчерпав остатки рачительно сберегаемых финансов, пузатая половинка нашла за подкладкой своей дамской сумки пятак. Редактор собрался за хлебом, который в ту пору еще умещался ценой в обозначенный грош. Яркий свет морозного дня, добытчик несет пятачок в магазин, стараясь не растянуться во весь рост на скользких арыках замороженной колеи и промоин от нечистот, которые весь околоток плескал на дорогу. Переулок Тракторный тупым клином примыкал к проспекту Ленина, оканчиваясь ветхим забором брошенного Завода сверл, на котором местная фанатка Джулия давным-давно сделала размашистую надпись «Джон Леннон стрит». Здесь, у начала Комсомольской площади, стоял одноногий красный капюшон таксофона с трубкой, прикрепленной к убойной скобе дополнительной цепью. Антивандальный механизм, видимо, приспособили сами жители. Молодой борзописец доскакал до распроданного Дома культуры – сталинского строения с колоннами, где у входа висела бордовая табличка, исполненная в стилистике популярных в девяностые сигарет «Магна». «Волна», – сообщала вывеска, – двадцать четыре часа». У входа восседала на деревянном ящике старуха, торговавшая пятью сортами сигарет поштучно и жареными семечками в газетных кулках. Она была завернута в дырявый пуховый платок по самый нос, где от мороза образовался снежный нарост.

– Семушки, – лениво произнесла торговка в пустоту, – когда памфлетист проходил мимо, – Пятьдесят маленький, рубль большой.

В холле шопа, разделенного на лотки и отделы, было многолюдно. Под барельефами звезд и серпов, потерявших былой лоск, толпились извечные бабки с сумками-тележками, мужички-чекушнички, чьи-то сопливые дети, выпрашивающие у мамаш китайский аляпистый ширпотреб в виде человеков-пауков и ядовитой жвачки. Пахло кислой капустой и сырой штукатуркой, как в лучших деревенских амбарах. У хлебного места под гордой ксерокопией «Бельгородский каравай», заключенной в прозрачный файл и придавленной скотчем к колонне, стояло человека четыре. Терпеливая публика ожидала, когда столетняя фурия определится, наконец, какую булку ей взять сегодня. Бывалая, решившись на отрубной, столь же долго искала платок с мелочью, шлепая себя по бокам.

– Что ж ты, душенька-душа, мимо Рая прошла, – запел громко в противоположном конце холла местный сумасшедший по кличке Коля, – Мимо рая прошла, почто в Рай не зашла?

– Коля, мать твою, – выкрикнул кто-то из толпы, очевидно радуясь песне.

– Древеса растут купарисовые... – не обращал внимания сдергоумок, продолжая выводить мелодию удивительно пронзительным и многогранным голосом. И читалась за ним без фальши вся Русь Святая, так и стоявшая есть так, как есть – в естестве своем прекрасная.

– Вам чего? – бросила хлебница писателю, до которого меж делом дошел черед.

– Дарницкий, – спохватился филолог, выкладывая пятак на столешницу.

– На них птички сидят – птички райские...

– Четыре пятьдесят, – сообщила продавщица, – Ой! Это фальшивая монета. Я такую не приму.

– Чего? – заморгал рифмоплет.

– Они песенки поют херувимские...

– Фальшивые пять рублей, – нервно повторила сдобница, – Другие давай.

– Нет других, – растерялся молодой муж.

Торгашка схватила чек, чиркнула по нему гуртом монеты. На бумаге остался след, похожий на тот, что делает химический карандаш.

– Фальшивка, не приму – заключила хлебница и бросила монету на столешницу, – Следующий.

Юноша, увидев, что барышница приступила к другому покупателю, с растерянностью забрал пятак с прилавка. Возвращаться домой без покупки было по его разумению невозможным. Он посмотрел на грош с орлом, под которым красовался год выпуска. Тысяча девятьсот девяносто девятый. Что же с этой деньгой могло быть не так?

Памфлетист выскочил из магазина, вопреки обыкновению не придержав калитку:

– Семечек маленький стакан, – под оглушительный хлопок двери, протянул он старухе бедовую монету.

Бабка ожила, засыпала пережженных ядрышек в куль, отсчитала скрупулезно сдачу.

– Дарницкий, блин, – высыпал медь на столешницу журналист, вернувшийся к хлебному лотку – Эта мелочь настоящая?

Торговка, поджав губы, сгребла монеты без счета и подала настойчивому покупателю каравай.

– Как у нас-то в Раю жить-то весело, – заливался калека, – Жить-то весело, жить-то некому...

Теперь памфлетист, добрых двадцать лет спустя, продолжал бесцельный ночной поход, углубляясь по радиальной улице Украинской в сторону центра Бельгограда. Самое забавное, что та паскудная история с монетой, причинявшая душевную боль нежным организмам словоплета, имела свое нравоучение. Пятачок тысяча девятьсот девяносто девятого года, который, терзаясь совестью, разменял у старухи любитель словесности, оказался раритетом. Деньга считалась самой дорогой монетой современной России. Ее стоимость у нумизматов достигала миллиона рублей и достоверно известно только о двух экземплярах этого «пятачка». Понятно, что неграмотная торговка, как и тот еще юный покупатель семечек, по очереди выпустили свое благополучие из рук, воспользовавшись лишь номиналом.

Впрочем, шел четвертый час пешей прогулки. Редактор проходил затянутый грязным снегом пустырь, который еще в дореволюционные времена использовали торговцы. Здесь, в рукотворном пруду они пересчитывали стада, которые перегоняли из Азии к меновому двору Бельгограда. Говорят, что когда-то давно на одном из берегов была установлена шкала для овец, коров и верблюдов. По уровню поднявшийся воды можно было точно определять количество копытных, не утруждая себя арифметикой.

Бунь не может быть вечным

Директор одной из лучших школ уездного Бельгограда Лилия Герань докладывала в городской отдел образования, что приключился с ней утром небольшой кишечный коллапс, и она спешит незамедлительно проинформировать вышестоящую инстанцию об этом инциденте. Не будучи божевольной, она скорее была жертвой системы.

– Знаете – низкая зарплата, отчетное рабство, вообще «что-то хреново на душе.

Все это сделало ее тем, чего она добилась в своей выстраданной карьере.

Вдоволь наигравшись со всей чередой нововведений начала тысячелетия, которые лоббировали блеклые команды федеральных министров, подкрепляемые креативом на всех нижестоящих уровнях, она давно и безоговорочно пришла к очевидному – система не лечится. Ее совершенствование возможно только в сторону дальнейшей деградации. И оптимистичным тезисом в этом служит только одно – не бывает так плохо, чтобы не могло стать еще хуже. В этот момент Лилия вполне задышала полной грудью и поплыла среди множества других тел, которые пришли к аналогичным умозаключениям параллельными курсами.

Еще вчера, воодушевленная лозунгами об участии общественности в системе образования, она, было, повелась на красивые фанты словоблудий. Ее энергии вдоволь хватило для розжига родителей, которые сумели организовать на базе школы целую общественную организацию и заявить о себе на уровне уездного городка. Под это увлекательное танго разгоряченная, но мало управляемая общественность докружилась до осознания, что школе незамедлительно требуется капитальный ремонт здания и Лилия уже не могла так просто успокоить те дрожжи, которые сама бросала в мутную брагу. Родители, чей порыв был вполне возвышенным, привели доступные им колокола в состояние вибрации, подключив к проблеме ремонта школы средства массовой информации. Гул с каждым новым днем приобретал все большее эхо, общественность с завидным постоянством стала попадать в прайм-таймы, констатируя и угрожая: «Школа падает! Надо спасать детей!»

Шепот районного руководства «Лилия, обуздай своих» неуклонно перерастал в уверенное городское брюзжание «тебе что, кресло не дорого?», и нецензурно гремел уже в министерском исполнении «Герань, ты фикусом-то не прикидывайся». Но это ничего не меняло – общественность упрямо не хотела возвращаться на уровень простого сбора средств на закупку офисной и туалетной бумаги. Родителям непременно нужно было решать глобальные задачи, привлекая для этого внешние средства, которых, как известно, выделять никто не хотел. Ком накатывал свой собственный вес в геометрическом формате и неуклонно превращался в предмет для подражания других школ города, и даже символ.

Ожившие мамашки и папашки, дорвавшись до решения вопросов аварийного состояния стен, коснулись и углубились в другие аспекты бытия – от школьного питания, до святого и неприкосновенного вопроса государственных закупок. Казалось, что этим серохвостам любые аксиомы по щиколоть – безбожники пережевывали все, на чем стояла доселе гармоничная и совершенная система. Апофеозом незапланированного шабаша стал совершенно неуместный хадж волонтеров в Москву, где их доклад о современном состоянии провинциальной школы на одном из съездов в Государственной Думе сорвал не один шквал одобрительных аплодисментов родителей из других регионов и вошел в ряд новостных федеральных лент. Скабрезу контекста усилила одномоментная акция многодетных мамаш, которые не смогли прорваться на съезд и устроили лежачие голодовки по-над стенами Федерального парламента. У них была другая повестка и требования, но общий фон протестных настроений вызвал ответные действия власти.

Заинтересованными специалистами федерального уровня проблему деятельной общественности Бельгограда делегировали на плечи областных чиновников. Выведенный из состо-

яния стабильности региональный министр образования, негодуя и досадуя, понимал, что такие пожары в лоб не тушатся. Краснея лицом, он стоически сносил все рекомендации из центра и губернатора, но живо заверял стороны, что с проблемой в состоянии справиться самостоятельно.

– Ты же понимаешь, Слава, – сообщал голос московского покровителя, – что такие истории могут повлиять на твой культ личности.

Мало обаятельное лицо областного министра не раз покрылось холодной и горячей испариной во время этой беседы. Он ведал, что позиция седьмой родни на киселе не гарантирует положительной плавучести его фигуре. Однажды, схватившись за мощную руку далекого родственника, выбравшись ближе к солнцу, он не может рассчитывать на этот рычаг бесконечно. И Слава нашел все варианты, откуда снять деньги для капитального ремонта здания разбушевавшейся городской школы – все, что можно было оголить без резонанса, осиротили и оптимизировали. Были спешно составлены сметы, привлечена гроздь давно понятных подрядчиков и даже сносно разложена по карманам моржа. Это был яркий пример слаженной и добротной работы команды. Фундамент школы оперативно восстановили, по кругу заменили все окна на пластик, протянули новую систему электрики и даже изготовили асфальтовый водоотлив общей площадью более пятисот метров по всему периметру здания. Ударная стройка, поднимем за здоровье гастарбайтеров, уложилась в три месяца лета. А к сентябрю сюда уже слетались все, кто так или иначе мог стоять рядом. С заботой на лицах различные уровни власти отчитались перед телезрителями о проделанной работе, наглядно демонстрируя все великолепие произведенного на наших глазах чуда.

Так родительская общественность на пике энтузиазма, добилась своей первой и последней победы, которую даровала судьба. А Лилия Герань, попавшая под карандаш, получила однозначную рекомендацию, скорейшим образом сворачивать разведенную богадельню. И пока директор решала, что и как делать с инициативами, родительская общественность сама по себе приходила к печальным выводам и опускала руки. Заказчикам образовательных услуг открывалось очевидное – никакая их кипучая энергия не помогала детям глубже и серьезнее осваивать науки. В капитально отреставрированных стенах оставался мировоззренчески испорченный класс педагога-потребленца – не столько условного, сколько случайного неспециалиста своего дела. И яркая вспышка искреннего рвения родителей в мгновение затянулась извечной ряской буден.

Лилия Герань, демонстрируя исполнительность, не только вернула в глазах руководства прежние рейтинги, но и смогла уместно намекнуть, что «Барсик не против медалей». Вручая награду, министр по-отечески шепнул:

– Вот, Герань, за послушание. Или ты думала, что на революционерах школа держится? Пусть сей знак не позволит тебе сбиться с пути.

И Герань трепетала. В ее скромный кабинет сквозь кроны опилованных во время капитального ремонта деревьев прорывался теплый свет. Этот свет грел спину, распространяя по кабинету едва различимый аромат шерстяного пиджака Лилии. На столе среди кипы приказов возвышалась тарелка с ароматной сдобой, испеченной в обновленной школьной столовой, а за стеной методично жужжала ксероксом такая почти родная дура-секретарь. Душа Герани пела.

Однако, речь совсем не о ней и ее душе, закравшихся в контекст по причине дебелости автора, а о других обстоятельствах и событиях, повлекших череду стремительных взлетов и унижительных поражений, которые происходили приблизительно в эту же эпоху и приблизительно в этом же городе.

Особый паблик

По улице Украинской, основательно запущенной дорожными службами, бежал, перепрыгивая через грязные кучи подтаявшего снега, высокий человек с газетой в руках. Его внешность, обернутая выдавшим лучшие времена френчем, не выдавала в нем представителя божественной профессии. Однако это был широко известный в почти вымерших кругах газетных читателей художник-коллажист Серж Мозерсон, перебивавший себя то тем, то другим. С одной стороны где-то глубоко в душе было любопытно, как это существо умудряется существовать в современном коммерческом формате, обладая лишь талантами художественного склеивания изображений. С другой – нужно всегда помнить, что углубляться в Мозерсона ниже шапочного уровня опасно – такие персонажи в одно мгновение могли окружать, заталкивать в голову любые обязательства, а следующим днем уже стоять на чужом пороге со своим чемоданом. При этом их совокупный заем у доверчивого окружения, в том числе и на пропой, нередко достигал размеров годового бюджета какого-нибудь сельского муниципалитета.

– Куда летишь, Сержик? – загодя бросил знакомому редактор, потому что понял, что куда-нибудь деться с траектории движения Мозерсона было уже невозможно.

– А, – воскликнул коллажист, выбрасывая вперед сразу две свои бесконечные руки, – Ты только посмотри.

Художник преодолел очередную снежную кучу, которую нагребли лоточники, имевшие обыкновение продавать здесь кошачий фарш в тесте и жареные семена маслянки. При этом один из не застегнутых сапог Сержика хапнул изрядную долю снега, которая тут же провалилась внутрь, чтобы взбодрить ступню в дырявом носке.

– Ух, гады, – затрепетал коллажист, мотая набедокурившей конечностью. В этом странном его междометии уместились одновременно и дворники, и власть, и негодяи с атеистами, которые могли притаиться вокруг.

– Ты только посмотри, что печатает наше «Бельгоградье».

Сержик, подав по-графски свою широкую руку для рукопожатия, другой протянул издание, на первой полосе которого красовался громадный цветной фотопортрет блондина в полицейской фуражке. Под снимком лошадиными буквами с наклоном была выведена убийственная сентенция: «Грабежи, разбой, изнасилования – чего только не было в его карьере».

В этот момент знаток словесности вспомнил свою недавнюю встречу с местным начальником всей полиции. В его голове разом проявились цветные картины главного входа, когда дежурный прапорщик вывернул наизнанку не только содержимое сумки, но и его писательской души. Разом вспомнилась приемная, где писатель провел те семь минут и двадцать пять секунд, которых не хватало до обозначенного времени встречи. В этот непродолжительный отрезок времени на прием к генералу успели поочередно просочиться два полковника, которые вполне проявили всю принятую на вооружение местную тактику жизнедеятельности структуры. Перед тем, как попасть к шефу, они поправляли галстуки у большого зеркала под фирменными часами с логотипом УМВД, оставляли на журнальном столе с табличкой «Для телефонов» свои смартфоны, надевали на лица полные энтузиазма гримасы и скрывались за массивными желтыми дверями начальника. Через три минуты, видимо, получив заряд неслыханной мотивации, каждый из них вылетал с аудиенции в раскрасненном состоянии и почти бегом устремлялся на выход. Вдгонку они получали оклики обаятельной секретарши и возвращались за забытыми на столе сотовыми средствами связи.

Представителя печатной прессы сопровождал молодой полковник, руководивший отделом пропаганды, который несколько раз возвращался к темам, что общий хронометраж встречи с генералом не должен превышать одного часа, а вопросы – не выходить из списка согласованных. Будучи специалистом с большим опытом, сознавая, что печатную прессу все-

гда расстреливают сразу, понимая ее низкий статус в потенциальных резонансах общественного мнения, борзописец был согласен на любые условия, лишь бы попасть на беседу в заветный кабинет. В этот момент его в большей степени беспокоили ладони, которые предательски потели, угрожая не заладить беседу с самого момента генеральского рукопожатия. От этого редактор невзначай отточенными движениями массирует собственные колени, тщательно вытирая каждый палец о брючную ткань.

Заметно нервничал и руководитель отдела пропаганды. На его слегка женственном лице читалось неопределенное состояние тревоги. Журналисту было знакомо это выражение, потому что юноша-полковник несколько недель назад, будучи еще лейтенантом, неудачно в одном из городских дворов сдавал на своей машине задом и попортил бампер припаркованного в кармане «таза». Как назло владельцем Тольяттинской повозки был наш редактор, выразивший тогда ряд критических замечаний в сторону неумелого ездока. К чести обоих, персонажи не утомили себя долгой бесполезной полемикой, а сочли возможным удовлетворить друг друга небольшой денежной суммой, переданной из полицейского кармана в писательский. Именно это неказистое мероприятие отчасти положило начало их перспективным взаимоотношениям, которые сегодня переросли в это большое согласованное и одобренное интервью с шефом.

Несуществующая кукушка на фирменных полицейских часах в приемной пропела полдень и полковник, придерживая редактора жестом, негромко отчеканил:

– Еще минутку. Сначала я.

Он скрылся за желтой дверью и через мгновение появился вновь, приглашая интервьюера внутрь.

– А, местная пресса, добро пожаловать, – сверкая зубами и лампасами, заявил высокопоставленный офицер. Он страстно сжал редакторскую руку, демонстрируя не просто информационную открытость всего Управления внутренних дел края, но и свое личное человеческое обаяние, – Очень рад, очень рад, что вы не забываете рассказывать общественности о деятельности полиции. Где вам удобно присесть?

– Везде, кроме КПЗ, – сказал гость.

– Согласен! – оценил юмор шутки чиновник и на всякий случай добавил, – Про КПЗ мы позже подумаем, когда Вашу газету читаем.

Заранее подготовленный и согласованный список вопросов начинался с биографического экскурса – высокопоставленный офицер был только назначен в Бельгоград, поэтому подобная вводная для беседы была весьма закономерна. Редактор выложил на стол диктофон и нажал кнопку, после чего четко произнес дату, время и место записи звукового трека.

– Кунакбай Ахметгарипович, – на едином дыхании выдал отрепетированное обращение журналист, – «Who is mister Putin?»

Аншефу польстило отождествление его скромной фигуры с образом Отца нации. То, что планировалось в качестве описания официального бытия начальника, переросло в за приятельскую беседу о семье – верхних и нижних киргиз-кайсацких жузах, дедушке-герое, воевавшему в одной из стрелковых дивизий в Великую Отечественную и воспоминаниям о любимых Советских кинофильмах.

Бессонная ночь – плэй, тук-тук, плэй, тук тук. Гвоздь номера – центральный материал издания. Писатель нервничает, глядя, как неумолимо китайские стрелки настенных часов на его кухне кружат по циферблату. Недели согласования списка вопросов, долгие дни выяснения даты и времени встречи – все это подвело корифея аналитических жанров к самой последней черте дедлайна. Нужно успеть написать материал, пусть в надрыв, через литр кислой смолы, именуемой кофе и вторую пачку табака за несколько часов ночи. Но успеть.

Уже в окне брезжит утро, кто-то у подъезда насилует вялый аккумулятор своей «антилопы» и громко шумит лопатой тартыга-дворник. Не ради чистоты, а чтобы сообщить всей

многоэтажке, что он есть. Вот часовой аудиотрек расшифрован, скрупулезно набран с бережным отражением стилистики. В висках стучит: «Сохрани стенограмму». Контр эс. Готово. Пора художественно выписывать вирши. «Я с вами согласен», – сам собою приходит на ум заголовок и плывет далее прозаплетство, – В Бельгоградском Управлении полиции ощущается состояние повышенного энтузиазма – новый генерал. Структура с нескрываемым волнением пытается как можно быстрее впитать его требования, понять систему взаимоотношений с шефом. Новый начальник УМВД России по Бельгоградской области Кунакбай Бабаев встречает нас с широкой улыбкой на лице. Подтянут, спортивен, с любознательным взглядом».

И далее течет контекст, тук-тук, гремят клавиши. Вопрос за вопросом – образ начальника из солдафонского профиля перевоплощается в благообразный, почти бунинский анфас. Некоторые тезисы удаляются целиком, ответы тщательно переписываются. Ткань интервью складывается от начала и до конца, бодрое, как аллегро с огнем. Последняя точка для тех, кто заинтересован: «Материал подготовлен при содействии Федеральной и Региональной пресс-служб УМВД России».

Крякнув от охватившего нутро волнения и гордости за столь высокоштильную работу, редактор написал электронное письмо в пресс-службу. К месседжу он прикрепил текст и стенограмму, чтобы никто не заподозрил его в недостаточном усердии.

Пора было будить детей и пробираться бесконечными пробками в школу. Писатель выглянул в окно, где продолжал мучить дорожку дворник, посмотрел на свою занесенную снегом «лошадь».

Через сутки, когда печатный станок в типографии уже собрался уходить по домам, а телефон пресс службы УМВД выработал остатки ресурса эксплуатации, на электронный ящик мастера рулонных дел пришел факс с утвержденным вариантом текста. В опусе под новым заголовком «Управление работает эффективно» содержался врез: «Указом президента... на должность начальника... назначен генерал-майор полиции...» Далее по тексту шла биография Бабаева, написанная в лучших образчиках мастерства отдела делопроизводства и кадрового обеспечения. К согласованной оде были подобраны главы с подзаголовками: «О работе с ветеранами», «Полицейский Дед Мороз» и «Подрастающее поколение». Все это было снабжено данными статистики, которые раскрывали самый бодрый темп работы, как всего управления, так и подразделений, в частности. Из оригинала подготовленного редактором интервью в благословенном варианте осталось только имя журналиста и кое-какие знаки препинания.

«Вот блин, – позволил себе на мгновение раздосадоваться опытный слововед, но очень быстро сглотив недоуменность, он отточенным порядком направил новый текст в корректуру, – Леночка, побыстрее подчитайте новый материалчик. Опять горим, знаете-ли».

И вот теперь, стоя перед Сержиком Мозерсоном посреди улицы Украинской, прокрутив нахлынувшие воспоминания, редактор в очередной раз укреплялся в мысли – загнанные под половицы тараканы-журналисты ответили миру взаимностью. Скупая логика – вы с нами так, в ответ держите квадратное «Собрание состоялось», полное сарказма, шаблонности и стилистических ошибок формальное отношение к работе. Девиз, будто разорванная на груди рубаха – не захотели пестовать четвертую власть, бережно сохранять ее самочувствие, так получите релиз, между строчек которого уложено все пренебрежение к несносной писательской доле. Что? Духовные скрепы не нащупали, национальную идентичность не поддерживали? Неужели вам центрального канала телевидения мало? Кто еще сможет так жестикулировать в кадре, обладая столь исчерпывающей риторикой: «...как здорово, что мы провели круглый стол в знак поддержки сирийских патриотов»? А все остальные – брошенные, потерянные, не включенные... Мы тут по безработице и нужде всем журналистским профсоюзом под вашими подошвами утоптаны. Какой с нас может быть спрос?

Сержик Мозерсон, между делом, спрятав веселую газетку во внутренний карман френча, решил приступить к главному:

– Подыхаю, – почти навзрыд затянул он давно отработанную до мелочей мизансцену, – Выручишь старого товарища ста рублями?

– У-у, дорогой, – опечаленно ответил мастер слов, который с самого начала ведал, чем продолжится встреча, – Знаешь же анекдот «Красная Шапочка, я тебя съем»?

– Нет, – почти искренне заступорился Мозерсон.

– «Не съешь, волк, я сама голодная», – закончил историю редактор, размахивая руками, будто это гигантские челюсти сказочной девчушки.

– Сердце остановится, – пропустил жирный намек мимо ушей коллажист. В его голосе проступило противное уху повизгивание, которое демонстрировало подвижный склад его богатой, но очень тонкой психики.

– Эх, Сержик, – хлопнул знакомого по плечу словоплет, – Господь просто так смерти не дает. Заслужить ее надо, дружок! Бывай!

И редактор, не дожидаясь новых тезисов Мозерсона, лишь сознанием ощущая недоуменное хлопанье его ресниц, бодро припустился далее по Украинской.

Химия разных противоположностей

Шел 1981 год, подаривший США нового президента, а СССР – четвертую звезду героя генеральному секретарю партии. В эту застойную эпоху народ, всячески развлекавший себя в скучной определенности буден, передавал из уст в уста анекдот про забег Рейгана и Брежнева. По контексту американец финишировал первым и Советские газеты писали: «В результате напряженной борьбы Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев завоевал почетное второе место, а господин Р. У. Рейган пришел к финишу лишь предпоследним».

В стране получило развитие так называемое дело «русистов», которых глава Комитета Государственной безопасности Юрий Андропов считал еще более опасными, чем диссидентов. Именно тогда, вокруг разгона редакции журнала «Наш Современник», началась кампания по новому давлению на интеллигенцию, так и не нашедшей гармонии с властью.

Однако печатная пресса отдавала предпочтение совсем другим темам. «Только в прошлом году в счет обязательств по достойной встрече XXVI съезда партии, – писала областная „Бельгоградская коммуна“ – труженики НГДУ „Бельгограднефть“ добыли сверх плана двенадцать и одну десятую тысячи тонн нефти, два и семьдесят пять миллионов кубометров газа. Введено в эксплуатацию четырнадцать новых скважин. Себестоимость товарной продукции снижена на сто девяносто семь тысяч рублей. Воодушевленный высокой наградой Родины – переходящим Красным знаменем ЦК КПСС, Совета министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ и памятным знаком „За высокую эффективность и качество работы в десятой пятилетке“ с занесением на Всесоюзную Доску почета на ВДНХ СССР, коллектив управления в первом году одиннадцатой пятилетки также внес весомый вклад в выполнение предсъездовских обязательств».

Основными темами номеров становились: «Глубокое впечатление на педагогическую общественность произвел Отчетный доклад Центрального комитета КПСС XXVI съезду партии, с которым выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. Нет ни одной стороны жизни, волнующей советских людей, которая не нашла своего отражения в этом глубоком по содержанию документе».

В Бельгоградской драме только что вышла премьера по пьесе «Каса Маре», встретившая новую волну критики за продвижение молдавских обывательских ценностей, а в детском театре с успехом шла колоритная грузинская сказка «Похождения храброго Кикилы».

У старшекласников же одной из школ Бельгограда закончилась веселая лабораторная по химии, на которой Виталья Герань смешал в мензурке все, что только стояло на его столе. В какой-то момент колба не смогла удержать адской смеси и выстелила вспененной массой. Сидевшая рядом соседка – привлекательная немка по фамилии Гармс, вскочила со своего места и подняла подол юбки, чтобы попавшая на черный фартук кислота не прожгла ее белоснежных ног. Класс, наблюдая картину, пришел в состояние крайнего восторга. Особенно веселился секретарь комсомольской первички Славик:

– Лилия, снимай платье целиком, здесь все свои.

Строгая химичка Татьяна Анатольевна, к тому времени уже серьезно рассчитывавшая на кресло директора школы, подобной фамильярности стерпеть не смогла. Она в два прыжка оказалась у парты будущего регионального министра образования и влепила ему пощечину, отчего на прыщавой щеке Славика вспыхнул румянец, а очки чуть было не улетели к радиатору отопления.

– Фусенко, да как ты смеешь, – с презрением заявила она, – Да за такие слова запросто из комсомола вылетают. Гармс, марш в лаборантскую! Герань, вон из класса!

Остаток урока был сорван. Пока учитель и пострадавшая в четыре руки отмывали прожженный фартук в подсобке, класс смаковал подробности истории, успев обсудить и ноги немки, и фасон ее исподнего, и дальнейшую судьбу героев происшествия, если химичка посмеет дать происшествию ход.

По звонку, обгоняя друг друга в спринте к тесной раздевалке, редкий скромняга не пренебрег возможностью вклеить Славику какой-нибудь щелбан, фифан или пинчище. Даже флегматичный Дремов, раскрутив на руке тяжелый кирпич портфеля с убойной надписью «Дип Папл», умудрился внести свою лепту в массовое унижение одноклассника.

У вешалок Фусенко подобрался к Лилии:

– Я влюблен, – заявил юноша и положил свои потные ладони девушке на грудь.

Гармс вспыхнула, ударила Славику по той же румяной щеке, которую до этого облюбовала химичка. Девушка, подрагивая телом, устремилась к выходу из раздевалки, уронив на пол свое пальто.

– Царица, – бросил ей вслед очкарик, но увидел кулак, которым пригрозил ему стоявший неподалеку Виталия, предпочел заткнуться. Герань поднял с пола очень советское манто одноклассницы и с невнятной нежностью водрузил его на вешалку.

Тем временем Гармс, почти рыдая, поднялась на второй этаж, где в единственном в школе лингафонном кабинете обитала классная руководительница – учитель «зидойча» Галина Михайловна Кузинуна. Мэтр советской педагогики была в классе одна. Она разглядывала каракули словарного диктанта, написанный ее маленькими учениками.

Изредка, натываясь на новую ошибку, фрау поджимала свои тронутые старостью губы. Отточенным жестом дама выносила красную черту на поля и выводила правильный вариант, оканчивая фразу восклицательным знаком. На ее руке, державшей ручку, красовался огромный, во всю фалангу перстень с янтарем. Форму этого камня знало большинство мальчишеских макушек в школе, потому что преподаватель немецкого очень любила сопровождать нравовучения постукиванием перстня по черепашкам. Это силовое дополнение концентрировало внимание.

– Галина Михайловна, – схлебывая обиду, с порога заголосила Гармс, – Славка опять меня трогал в раздевалке.

История влечения Фусенко к Лилии имела уже достаточно большой архив жалоб со стороны девушки и даже ее родителей. У Галины Михайловны в специальной папке лежали многочисленные любовные записки Славику, чаще – откровенно глупые стишки его собственного сочинения. Все это Лилия каждый раз приносила классной даме, облачая в форму непреодолимой проблемы и трагизма.

– Что с твоей формой? – осведомилась Кузинуна, разглядывая мокрое место с дырой на черном фартуке из гилюра.

– Это на лабораторной по химии случайно вышло, – не стала сдавать Виталия девушка.

– Слава, Слава, – вернулась к теме неразделенной любви классная руководительница, – Что же, придется выносить поведение секретаря на комсомольский актив. Так, я полагаю?

Лилия одобрительно закивала, потому что несуразный одноклассник с неприятным запахом изо рта уже давно стоял ей поперек горла.

– Однако, – добавила Галина Михайловна, – Задумайся, Лилия. У меня восемнадцать девочек в классе. А щупают в раздевалке только тебя.

Гармс, осознав смысл реплики, скривила смазливое лицо. Ее затрясло от волны накатившего стыда. Девушка, не имея возможности сдержать истерический рев, бросилась к умывальнику женской уборной, еще не подозревая, что последнюю фразу учителя немецкого она будет помнить всю свою жизнь.

Пятьдесят рублей навару

Наши дни. Вечерело. По улице Павлика Морозова славного города Бельгограда ехал изувеченный направлениями рейсовый автобус 69 маршрута. Будто подраненная скотина, припавшая на правый бок, тарантас постукивал пальцами и исчадно дымил богатой смесью машинного масла и газа, добытого на достопочтенном Кукарачанакском месторождении. Замызганные борта общественного закланца прятали под панцирем грязи рекламный проспект одной из контор по прокату катафалков, которая в данном месте могла бы смотреться несколько цинично, но таковой, однако, не смотрелась.

Салон был относительно полон, городская молодежь, преимущественно сидящая, с первобытным интересом листала ленты социальных сетей. Старшая группа, в большинстве висющаяся на поручнях, словно почерневшая груша, пространно разглядывала бытие в замороженные окна автобуса. Транспорт штормило и подкидывало на нередких буераках, отчего стойло приходило в ежесекундное движение. Кто-то из пассажиров каждый раз по-особенному тяжело вздыхал, поминая талант рулевого. Но этот умелец продолжал «перевозить кирпичи», потому что сам бельгоградский мэр не оставил сухопутному капитану другого выбора.

Можно почерпнуть ряд глубоких тезисов в сборнике великих цитат и носить на носу две старомодные линзы, как у Антоши Чехонте. Разучить мелодии на электрогитаре и поражать знакомых дам мастерством брэнчания на нижней струне. Можно заделать себе любой образ, сообразно моде и внутренней установке. Но нельзя так запросто поменять в России зубы. Даже в ипотеку – под залог еще не родившихся поколений. Об этом размышлял любитель словесности, ненароком разглядывая пассажиров вокруг. Обладатели желтых, кривых, дешевых коронок, будто персонажи страшных кошмаров Франсиско Гойи, погребенного без головы, окружали его своим сомнительным очарованием. «Вот она вся инновация медицины, – думал редактор, вспоминая потоки бравурных отчетов министерства здравоохранения, – Хорошие зубы – как благородный титул, стали уделом избранных».

И все-таки шелкопер тепло относился к людям. Впрочем, его самого вводило в смущение понимание, что скорее эта лояльность лежала на слабых нервах, нежели на большом чувстве любви. А может быть, что еще печальнее – на перманентном желании нравиться, профессиональном обаянии или какой другой ерунде, которая к духовности имела параллельное отношение.

Памфлетист был придавлен соратниками по проезду к вертикальному поручню, располагавшемуся в самом начале пахнувшего отработанными газами салона. Руливший своей легковушкой, редактор не часто оказывался в общественном транспорте. Сама эта необходимость ему не была в тягость. Может быть потому, что где-то в потаенных углах его памяти хранились воспоминания из девяностых, когда он, не имевший тогда собственной повозки, часами ждал редких рейсовых «Газелей», чтобы доехать до работы. Именно тогда, пассажиры Старого района, взявшись за руки, останавливали общественный транспорт, перегораживая трассу целиком. Иначе вынудить сделать остановку переполненный рейс было нельзя. А теперь другая эпоха, можно ездить и автобусом относительно свободно.

Филолог мог вполне себе видеть, как выпрямлялся в своем кресле водитель, переключая разнузданную раздатку, и вены на его грязной и плохо выбритой шее, взбухавшие в момент физических усилий. Как-то нескладно получалось у рулевого управляться с его антилопой, будто сидел он за чужой баранкой. И не говорил он во время движения ни с кем из коллег, как это делали другие перевозчики, сообщая о пробках на дорогах в той стилистике, которая и не снилась классическому жанру настоящего репортажного. Этот же крутил колесо молча, вцепившись в него излишне нервно.

– Землятшок, – обратился к словоплету подвыпивший «братишка», протискивающийся к выходу, – передай за проезд.

Земляк был одет в поношенные джинсы, спортивную куртку «а ля Болонь» и пропотевшую шапчонку с облупившейся наклейкой «Фишер». Маракуша протянул писателю ладонь с теплой мелочью, но в этот момент очередная дорожная яма пробила подвеску 69 автобуса. Железная наличка фейерверком разлетелась в разные стороны из писательской руки.

– Да твою же мать! – выругался пассажир, отодвигая своей корявой кистью редактора. Он почти влез в пространство кабины извозчика, опираясь на плоскость ковра, укрывавшего двигатель, на котором лежала поролоновая монетница, – Сам деньги по салону собирать будешь, размудон! Кто тебя, черта, за руль пустил?

– Э-э, сам ты черт! Костыли убери отседа, – взорвался вагоновожатый, но был подло отвлечен от дискуссии легковушкой с треуголкой «У» на крыше. Курсант грубо делал автобус, при этом умудрялся еще и дудеть в свой клаксон, подрезая рейсовый тарантас.

– Е-мое, – только и смог добавить автобусник, подразумевая вообще все российские безобразия, включая его жену пэтэушницу, которая накануне ночевала у подруги, но вернулась до петухов зигзагами, обескуражив бодрым матом в коридоре тещу.

Пассажиры 69 маршрута, предощущая зрелище, приподнимали взгляды от смартфонов. Сидящая же на ближайшем к кабине сиденье колотовка, прижимавшая к своему двенадцатому размеру треснувший по шву пакет с каким-то скарбом, запричитала:

– Боже мой, день, а этот уже надрался.

По салону пошла легкая волна сентенций, которые умещалась между темами алкоголя с утра, разбитыми дорогами и талантом рулевого.

– Друзья! – пресек в самом зачатии полемику беллетрист, выпрямляя туловище, – А вы обратили внимание, как этот достойный товарищ красиво обратился ко мне?

Пассажиры с подвыпившим бедокуром и водителем, заинтригованные неожиданным поворотом, ждали ответа, сконцентрировав внимание на журналисте.

– Он сказал «землятшок», понимаете, – продолжил писатель, делая шаг вперед, чтобы его могли разглядеть и задние ряды, – Я, между прочим, почти всегда безошибочно определяю собеседников по прононсу. Окающие, акающие, съедающие гласные... Сколь необъятна Россия, друзья! И стоит где-то услышать несколько слов от попутчика, как уже видишь – Кубань, Вологда или Тула перед тобой. Свой особенный русский язык и у белорусов, с их непередаваемым «символически», у одесситов, что подчеркивает необъятное пространство русскоязычного мира. Мы – разные грядки одного большого и плодородного огорода. Так зачем же нам ссориться, друзья?

– Это чо? – первым очнулся шаврик в рыбацкой шапчонке, – И меня по базару определил? Ну-ка скажи – откуда я?

– Ты? – Рассмеялся словоплет, – Местный ты! Беззубый просто. И, видимо, слегка сидевший.

Легкий смешок пробежал по салону.

– Слегка, не слегка, – раздосадовался пассажир, – Вова загрызет и тем, что есть. Любого.

– Ну-ну, Вова, не надо буксовать, мы не из пугливых, – посланник мира похлопал пройдоху по плечу, – Все хорошо! Тебя все уважают! Смотри, твою остановку проезжаем!

– Ё! – воскликнул фуфлыга под очередной смешок в салоне, – Зема, двери открой, тебе говорю!

Водитель, утомленный подобной братией, справедливо решил, что лучше от попутчика побыстрее избавиться. Фигура в шапчонке «Фишер», подхваченная инерцией резкой остановки, скатилась по ступенькам вниз, по ходу полета задев перегородку, едва не ломает уже основательно истрепанный пластик.

– Гад! – прокричал «землятшок», оказавшись снаружи и показывая кулак автобусу.

– Сам ты гад, – себе под нос процедил извозчик, прибавляя ходу своей дребезжащей колыхаге.

Фишер, оставшийся наедине со своей добычей, стоя на вершине грязного снежного отвала, потрошил подрезанный кошелек редактора. Среди скидочной карты на услуги фотографического салона, пары банковских карт, не имевших для воришки никакой практической ценности, лежала весьма оскорбительная сумма в пятьдесят рублей. «Землятшок» сплюнул с досадой, подбросил портмоне в воздух и со всей хмельной дури вlepил по кошельку самым кончиком башмака из спилковой кожи.

– Это правильно, молодой человек, что вы вмешались, – как-то невзначай бросила писателю толстуха, подбирая крепче к груди свой рваный тюк, – Если бы не вы, дракой дело бы кончилось.

Публицист, еще не обнаруживший пропажи кошелька, кивнул, не желая продолжать полемику. В его голове прояснились воспоминания. Набережная Москва реки у храма Христа Спасителя.

Печальный поиск позитива

Директор лучшей гимназии Бельгограда Лилия Герань готовилась принимать экономического обозревателя одного из авторитетных изданий края. Будучи по образованию учителем литературы, она справедливо считала, что уровень ее компетенции в вопросах народного хозяйства далек от экспертного. Функционеру была куда понятнее причинно-следственная плоскость натурального обмена, как правило, заключенного в формулу: «мы ваших детей учим, а вы не хотите нам помочь деньгами».

Именно поэтому Герань, не сумевшая отказать в комментарии журналисту сразу, еще и согласовавшая эту беседу с начальником управления образования города, теперь опасалась, что незнакомый словоплет выставит ее на всеобщее обозрение в неприглядном свете. Лилия решила пригласить себе в помощь профессора Дедова, который вел в ее школе спецкурс экономики у детей выпускных классов. На финансирование серии профессорских лекций шли деньги регионального гранта, серый конверт от родителей и ноль двадцать пять ставки по системе дополнительного образования. «Если потребуется, ученый поддержит, вставит цитату, – думала Герань, – У этого-то дедушки „Капитал“ на самом кончике языка».

Дедов пришел загодя, проскрипев кроссовками по паркету приемной. Он просунул свою интеллигентную ленинскую голову в проем приоткрытой двери директора:

– Это я, – сообщил он, сверкая доброжелательностью мудрых профессорских глаз.

– Да, – обрадовалась патронша, – Чай? Кофе? «Боярышник»?

– Что вы, любезная? – заулыбался экономист, проходя в кабинет и присаживаясь по центру стола для заседаний, – Тут и спирт едва ли поможет.

– Ну, ну, профессор, и не такое переживали, – Герань отложила в сторону объемную папку с планами, – Нам сейчас с прессой надо дружить.

– А чего они от нас хотят? – поинтересовался профессор, доставая из внутреннего кармана своего светло коричневого френча еще советскую перьевую ручку и изрядно замусоленную стопку листов с экономическими цитатами на все случаи жизни, – Они вопросы, может быть, заранее сообщали?

– Нет, сказали, что им интересно, какие экономические знания мы даем детям, чтобы они могли состояться во взрослой жизни.

– Не новость, – кивнул эксперт, – Какая-то очередная кампания началась?

– Ой, не знаю, – запростецки кинула Лилия.

В этот момент что-то рухнуло в приемной. По звуку – нечто большое, но мягкое.

– Что там, Клелия? – не вставая выкрикнула Герань, доподлинно зная, что приемная слышит.

– Человек упал, – послышалось из предбанника, где уже секретарь и два завуча поднимали с пола споткнувшегося журналиста и его рассыпавшиеся из открытой сумки удостоверения и ручки.

Профессор и директор, переглянувшись, устремились в приемную.

– Здравствуйте, – кивнул отряхивающий штанины компилятор, – Вот так полы у вас тут. Не поверите, прямо из порога что-то торчало, ну надо же, во весь рост прямо «хлоп!» Да, забавное начало.

– Мы сейчас распорядимся, – нашла нужные слова Герань, – А то не дай бог ребенок какой пострадает. Клелия, срочно разыщите завхоза. Срочно! Проходите ко мне, уважаемый.

– О! – изумленно воскликнул летописец, только теперь разглядев за мощным нижним этажом бабских бедер Лилии фигуру Дедова, – Это вы там спрятались, Моисей Моисеевич?

Ученый, не узнавший драматурга, выдвинулся вперед, мучительно припоминая, видел ли он когда-либо это лицо. Но память, увы, не выручала.

– Не узнаю Вас, – слишком затянув неловкость, вынужден был сознаться профессор.

– Еще бы узнавали, – рассмеялся хроникер, – Вы у меня в школе много лет назад вели спецкурс. Лет двадцать назад. Я успел с тех пор слегка измениться. Не в лучшую сторону, к сожалению. А вот Вы, Моисей Моисеевич, просто огурчик. В хорошей физической форме, я бы сказал.

– Н-да, – изрек теоретик, прикидывая, сколько еще по свету бродит его внебрачных детей в сфере науки.

– Что же мы стоим здесь, в приемной, – поспешила вмешаться Герань, – Проходите ко мне. Чай, кофе? У нас даже свежий тортик завалился.

– Нет, ничего не нужно, только умные мысли, – поспешил проявить учтивость литератор, проходя в кабинет.

Троица расположилась за столом, где обычно заседали завучи.

– Итак, – изрек памфлетист, по лбу которого бежали струи рабочего пота, – Раз здесь собрались только свои, расскажу в реалиях, зачем я здесь. Без больших транспарантов, только суть. Никто не против?

– Да, да! Мы бы даже на этом настаивали, – живо согласился профессор, сопровождая взглядом смартфон, который критик в этот момент выкладывал на стол.

– Выборы, друзья, – как-то печально выдавил из себя сочинитель, вытирая соль, попавшую в покрасневшие глаза, – И нам нужно проработать для уважаемого кандидата платформу. Не буду углубляться в мутные глубины политических технологий. Скажу только, что работаю сейчас в интересах бывшего мэра нашего Бельюграда, который идет теперь в Москву. Фамилию мы с вами знаем.

– Да, мы всецело... – вставила было Герань.

– Всецело, не всецело, – несколько раздраженно ответил журналист, – Наш экс-глава – дед, безусловно, мощный, той еще породы и закалки. Надо помочь наполнить его уста проблематикой. Понимаете?

– Не очень, – захлопал бликами зрачков эксперт товарного профиля.

– Скажу конкретнее, – кивнул редактор, – Команде мэра надо на каких-то тезисах строить всю агитацию. Коммуналка – дело гиблое, экология – избитое, здравоохранение – неподъемное. И вот решили мы попробовать что-нибудь в экономике и образовании раскопать, детский аспект прощупать. Нечто безопасное для водружения на знамена. Именно поэтому я и пришел в одну из лучших школ города. Где, как не здесь, искать позитив, надежду на то, что жизнь изменится к лучшему. Прекрасно, что встреча проходит с Вашим участием, Моисей Моисеевич. Родина посылает вам свой партийный поклон!

Но профессора развести таким бисером на откровения было невозможно. Он прищурился, сообразно раскручивая большие пальцы кистей то по часовой, то против часовой стрелки.

– Да, – спохватился эпистолярый, – Тут и управление образования с министерством очень советовали поискать проблематику в школе Герань. И даже губернатор был с этими уважаемыми конторами заодно. Глядишь, где-то получится чирикнуть, какой Дедов молодец, как гимназия больших людей выручила.

– Доходчиво, – отклоняясь к спинке стула, заявил ученый, – Что ж. Ответим на все вопросы, как на духу.

– Так давайте и начнем, благословясь, – тоже отклонился к спинке публицист, – С вопросов профессиональной ориентации детей на развитие науки и технологий будущей России.

– Я считаю, что проблема главная в чем, – явно включил демагога умудренный муж, – Мне очень понравилась одна фраза Аузана – декана экономического факультета МГУ. По моему, это он сказал, что Россия – поезд, который вышел из пункта «А» 300 лет тому назад, на Петра намекая, и никак не придет в пункт «Б». Вот вся проблема в этой дистанции сейчас.

Где мы находимся и куда мы вообще хотим. Вот смотрите, сколько разговоров идет. Подготовка детей к технической модернизации. Ведь уже надоело. Сколько я живу, столько я слышу про модернизацию. А что такое модернизация?

– Это процесс бесконечный, – вставила свои пять копеек Лилия, понимая, что инициатива полностью ушла в руки Дедова.

– Нет, по сути, что это такое? – набросился с жаром на директрису профессор, – Вот спросите сегодня любого моего ученика. Что такое модернизация? Это серьезнейший экономический процесс перехода от одной техники и технологии организации к другой. А сейчас к этому добавили еще одну страшилку – инновация. Еще одну нелепость. Понимаете? В этом вся ошибка. Вот представьте себе – сегодня мы нашли племя каннибалов. И привезли им всем огнестрельные ружья. Они что, перестанут быть каннибалами? Верно. У них ускорится процесс добывания пищи для себя. Но они как были каннибалами, так они и останутся каннибалами. Они будут продолжать пожирать своих противников, только теперь стреляя их из ружей. Они никак не изменились, никуда не перешли. Поэтому модернизация, как в свое время говаривал немецкий экономист Макс Вебер, слышали, наверное: «Что такое модернизация – это переход от традиционного общества, к современному». Вот что такое модернизация. Видите, ни одного слова по экономике. Обратите внимание. Ни одного слова про технику и технологию. «Переход от традиционного общества к современному». А что это такое вообще. И поэтому я склонен полностью соглашаться с теми людьми, которые говорят, что модернизация это в первую очередь процесс социокультурный.

– Мировоззренческий, – опять влезла с уточнением Лилия.

– Социокультурный, – повторил экономист, игнорируя шефа, – То есть, а что имеется в виду. Я даже себе пометил. Не экономический. Повышение роли автономности каждого человека в обществе. Урбанизация – настоящая, серьезная. Смена типов поведения. Вот посмотрите, даже такой простой пример. Вот вчера я смотрел по телевидению. Двести пятьдесят тысяч румын вышли на центральную площадь города с требованием отменить подпись премьер-министра под законом, снимающим обвинения очень крупных чиновников во взяточничестве. Двести пятьдесят тысяч! У нас тоже показывают демонстрации протеста. Ну не у нас, а в Москве. Вот был позавчера митинг коммунистов. Знаете об этом? Нет, не знаете?

– Они постоянно происходят – это уже не новость, – совсем уныло произнес памфлетист, понимая, насколько пространной будет экскурс собеседника.

– А я постоянно хожу. Посмотреть вообще. Там было человек тридцать. Потому что остальные люди убеждены сегодня. Большинство убеждено – от нас ничего не зависит. Мы ничего с вами сделать не можем. Бесполезно. Это тип мышления. Вот поэтому никакой модернизации не будет.

– Моисей Моисеевич, я мог бы бесконечно полемизировать на эту тему. У меня тоже нутро болит. Как у писателя Горького, будто с моего сердца содрали кожу. Переживаю за уровень потребительского мировоззрения, за душевную деградацию. Даже если не брать в голову Кубань, где урожай несколько раз за год снимают, ведь по-разному живут разные территории. И я, своим пешим ходом пройдя всю центральную Россию, посмотрел, в каком запустении Рязань с богатейшими лесами, Пенза с ее грибными полями и туманами, земляничная разнотравная Тула. В иных же территориях совершенно на пустом месте есть какие-то созидательные процессы. Стоит производство, какие-то связи международные налаживаются. То есть внутри самой страны при одинаковых общих данных, есть очень разный уровень жизни.

– Нет, я отвечаю, – оживился сальдовед, – Это по вопросу о том, где и что надо делать. Я, например, считаю, что надо менять абсолютно модель существующей сейчас системы. Модель надо менять. Понимаете, мы никак не отойдем от нашей вековой традиции. Понимаете, как она идет. Лен, пенька. А теперь – нефть, газ, металлы. Мы все время работаем на том, что можно

от природы взять. И только. От природы. Вот это наша существующая модель. А получается так, что экономика какая? Сырьевая. Мы же теперь сырьевая экономика.

– Вот опять, – поник прозаик, – Система виновата. Старая вата для площадных стенаний. Вам самому-то не опостытело десятки лет одну мысль транслировать? Я же прошу вас сформулировать совершенно другое. Высветить механизмы, которые приведут к позитиву. Детей, например, учим по-новому – хороший росток, который принесет плоды.

– Понимаете, в тот-то и дело, – совершенно не повелся ни на одно слово оппонента профессор, – Если вы возьмете доли позитивных росточков, то они все уместятся в формат одной пуговицы на костюме. В общем объеме всего того, что крутится. Мы что, живем, и наш бюджет наполняется от того, сколько мы экономических знаний подарили детям? Или от того, сколько мы добываем в Сибири или той же Башкирии сырой нефти? Мы же сырой нефтью живем. И получается модель сырьевая. А отсюда, так сказать и, что называется, сознание сырьевое. И у детей – тоже. И социум у нас сырьевой. И с этим социумом, с этим сознанием мы хотим пойти вперед куда-то? В новое общество? В современное? Никогда не пойдем. Понимаете, дело в чем. Вот я иногда говорю школьникам, студентам. Нефть, газ – это богатство страны. Богатство России. Мы на этом сегодня раскрутились. В мире. Но я считаю, нефть и газ – это несчастье России. Несчастье. Потому что власть вся нацелилась на это. Вся экономическая система настроена на это. Вот был советник у президента. Он когда-то прекрасный образ выдал. Очень мне понравилось. Экономика трубы. И он сказал, что экономика трубы лежит тенью и на политике, и на обществе, и на нашей психологии, и на нашем сознании. Вот если мы добываем ресурсы, то кто царствует? Те, кто к этому процессу как можно ближе. А поэтому все остальное – улетает.

Профессор, склонив голову, обтянутую тонкой морщинистой кожей с небольшим количеством пуха над ушами, сделал смысловую паузу, которой не замедлила воспользоваться Герань:

– Моисей Моисеевич имеет в виду, что именно в векторе позитивного труда, а не потребительства, мы сегодня воспитываем школьников. Рынок, с его неумолимыми законами, новые федеральные образовательные стандарты...

Но оппоненты не стали слушать Герань с ее давно понятным официозом.

– Та же самая психология трубы не мешает строить другую историю Арабским Эмиратам, – парировал редактор сентенции Дедова.

– Дело в том, что Арабские Эмираты ни на что не претендуют в мире, – как мог, отразил аргументацию экономист, – Абсолютно. Они живут сами, обеспечивают жизнь своим гражданам и, кстати, в социальном плане Арабские Эмираты намного дальше нас. Образование бесплатное, здравоохранение бесплатное, жилье выделяется бесплатно.

– Да, коммунизм просто, – с сарказмом добавил ащеул, – Не убедительно.

– Но так, сколько их там, во-первых? – растерялся было профессор, но в мгновение собрался и попытался восстановить реноме простым повтором вышесказанного, – И они же ни на что не претендуют. А мы же претендуем. Мы же великая страна. Мы – великая страна. И нам, чтобы на это претендовать, надо создавать базу какую-то. Основания должны быть. Так что, сырьевая база будет основанием для этого? Это же всем понятно. Не сегодня-завтра уйдет нефть, как главный энергетический сырьевой продукт. Ну, уйдет. Обязательно уйдет. А что будем делать тогда? На чем будем кормить бюджет? Вы посмотрите, чуть-чуть нефть упала – сорок и ниже, сразу заговорили. Модернизация нужна, перестройка нужна. Вот сейчас нефть поднялась. И ни звука. Все опять нормально.

По кабинету разлился запах жареной капусты, который, видимо, шел из детской столовой. Гость шмыгнул носом, вдыхая побольше воздуха в ноздри:

– Армию напоминает запах. С тех пор ни перловки, ни капусты в рот не беру. Так тогда наелся, что до сих пор сытость чувствую. Так что с образованием, Моисей Моисеевич?

– Сокращают финансирование университетов, – сообщил «сенсационную» новость Дедов, – Так? Дальше, значит, бюджетных мест будет на двадцать процентов меньше. Сокращение по стране. Это же каждый пятый «горит». А почему? Говорят, денег нет. Это же неправда, что денег нет. Все дело в распределении, предпочтениях. Я сейчас не буду эту схему задевать. Куда давать – в армию или образование.

– Да, это несколько демагогичная полемика получится. Да и патриоты нас не поймут.

– Дело же не в этом. Если Сурков прав и это экономика трубы, то стране не нужно такого количества грамотных и образованных людей, которых Россия может делать. Не нужно. Для обслуживания трубы столько не нужно. Вот куда все уходит, когда я говорю про социально психологическую парадигму. Вот, что накладывает отпечаток на политику. Посмотрите. У нас все сейчас стало сырьем. Все. У нас мозги сейчас – сырье. Мозги. Вы знаете, сколько человек уехало сейчас из России?

– Догадываюсь, – коротко бросил журналист.

– Двести пятьдесят тысяч. За год! Причем даже посчитали по категориям. Кто это? Врачи, инженеры, преподаватели, ученые. Мозги страны. А мы их отдаем даром.

Из уст профессора экономики слово «даром» звучало по-особенному весомо. Дед распалено продолжал гнуть свою ветвь, размахивая ладонями, как казак шашкой:

– Все дело вот в этой самой, еще раз повторяю, в парадигме экономики. Вот я всегда привожу пример. Одна из самых бедных стран мира по ресурсам – это кто? Япония. Ну, ничего нет. Вот как будто бог взял и решил их наказать. Земли нет. Ну, в сущности. Вы же видите, что там: нефти – нет, газа – нет, угля – нет. Посмотрите. Когда для них это стало очевидным, они поняли одно – единственный ресурс, который у них есть, это человеческий потенциал. Мозги. Куда они ушли, а где мы? Вот отсюда идет все остальное.

– Хорошо. Общая картина понятна. Что с этим делать? Помимо констатации.

– Систему надо менять полностью. Имею в виду судопроизводство. Вы понимаете дело в чем. Это вроде далеко от экономики казалось бы. Не может быть ничего нормального в стране, где нет независимого суда. Вот меня сейчас на уроке дети спросили, как я к американскому президенту отношусь? Я сказал: «Никак». Но, тем не менее, смотрите, он сейчас издал несколько законов. Федеральный судья в Техасе блокировал распоряжение президента США о проведении новой миграционной политики. 26 штатов подали в суд против этой реформы. Вот на минутку я могу себе представить, что Владимир Владимирович издал какой-то Указ, а наш Бельегоградский районный суд сказал бы: «Пошел ты, Вова».

Далее по известному вектору разговор докатился до самого большого российского демократа в истории – царя. Затронув реакционные силы, бежавшие впереди паровоза, Моисей Моисеевич упорно отчитывал свою лекцию, которую давно под кальку транслировал на всех уровнях своей педагогической биографии. Герань же, отчаявшись хоть как-то повлиять на беседу, заняла себя проверкой давно ждавших тетрадей.

– Вы посмотрите, на встречах с Путиным кто-то ему звонит, пишет? – продолжал экономист, – А Путин людям отвечает: «Надо разобраться. Такой установки от Москвы не было. Вы святее Господа Бога хотите быть? Зачем?» Поэтому у нас ситуация такая, как это не парадоксально: дашь свободу внизу и не поймешь, что ты получишь в ответ. А уследить из Москвы за всеми этими людьми одному президенту невозможно. Вот сейчас опять Владимир Владимирович семь губернаторов снял. Но их же не выбирали. Их назначали. Кто? Сам лидер нации. Это не в укор. Невозможно в такой стране, как наша, сидя в Москве, за столькими регионами и губернаторами наблюдать. Значит что-то насчет того, что система самозаводится – нет этого. Ее надо все время заводить. А с другой стороны они там опасаются – дай самозавод и такое начнется, что концов не найдешь. Такое начнут творить на местах. Руководители.

В кабинет директора, не обращая внимания на собравшихся, ввалилась крупная женщина с дизайнерской прической в стиле Дитера Болена. Она была одета в облегающую кофту

с цветочками ядовито чернильного цвета и темные брюки, предательски подчеркивающие ее раскормленный школьной сдобой живот.

– У нас ЧП, – сообщила гостя с порога, – Насте из восьмого «Е» опять скорую вызываем.

– Что с ней? – не отрываясь от тетрадей, спросила Герань.

– Сознание теряет, бледная вся, – отрапортовала помощница, останавливаясь у стола, – Видимо, последствия беременности.

– Что? – не поверил ушам словоплет, – Восьмиклассница?

– Это пресса, – дает сигнал директриса, понимая, что вылетевшего воробья уже не поймать.

– О времена! – почему-то ликует профессор.

– Да, наша самая молодая в школе мама, – поджимает губы Лилия, – И, кстати, из весьма состоятельной семьи. Кто бы мог подумать.

– Фарс, – изумленно бросает любитель образов, – Так чего сидим? Кто девочку спасать будет?

– Да-да, спасем, – недовольно отвечает директриса, брови которой взмывают вверх, а в глазах зажигается злобный огонек. Ей уже давно встала поперек вся эта беседа журналиста с профессором. А тут еще, как назло, новая провальная история, – Вы продолжайте здесь без меня. Я сейчас во всем разберусь.

Дамы покидают кабинет.

– Давайте продолжим, Моисей Моисеевич, – со скукой продолжает писака, бросая взгляд на работающий диктофон, – Мы остановились на том, что свободы на местах нам не видать.

– Да, – кивает экономист, – но с другой стороны, я, например, считаю, что налоговая политика центра по отношению к регионам – это почти, как поработители пришли и грабят. Ну, нельзя же так грабить регионы-то. Ну, нельзя. Оставлять надо регионам деньги. Вы боитесь, что они их не туда направят? А у себя вы не боитесь, что их не туда направят? У вас такой опасности нет? Надо деньги оставлять реальные внизу. И конечно контроль надо делать. А кто будет делать контроль? Москва не сможет. Я могу вам собственный пример привести, из девяностых годов, кстати. Здесь фонд стали создавать. Внебюджетный. Деньги там собирают – от предприятий, от чего-то еще, какой-то торговли. Серьезные деньги. Тогда говорили, они остаются целиком в территории. То есть выгодно было. Мне позвонили и сказали: «Мы создаем совет и предлагаем Вам войти в его состав». Я сказал: «Вопрос первый – функции какие будут у этого совета? Совет будет иметь право контролировать администрацию в плане, куда они эти деньги из внебюджетных фондов кидают?» Это же уже не их деньги, не московские деньги. Это же, как говорят, общественные деньги. Совет будет иметь право вызвать губернатора: «Отчитайся нам за полгода. Куда деньги пошли?» Они сказали: «Нет, ну что вы». Я сказал: «Я в детские игры не играю. Давно уже не играю. Мне не надо сидеть свадебным генералом где-то. Мне это абсолютно не надо». Вот и все. Почему я еще раз говорю, что это психологическая ситуация. Но как ее менять, понять не могу.

– Сильная рука, – закинул удочку памфлетист, надеясь, что профессор повернет в сторону тезисов, на которых сможет проехать бывший мэр.

– Вот посмотрите, – с жаром продолжил экономист, – опять какая-то кутерьма началась в педагогическом институте. Взятчик. Кого-то там опять взяли. Скандал будет большой еще. Взятки-взятки-взятки. И никто не скажет ни одного слова. Это вот только я могу себе позволить студентам в лицо это говорить. В процессе взятки есть «дал-взял». То есть дающий и берущий. Если преподаватель берет взятки, то кто вторая сторона? Студенты. И вот если их сейчас взять реально: «Из тебя этот преподаватель взятку вымогал? Он тебе тарифы давал? Что «тройка» – столько, «четверка» – столько, «пятерка» – столько. Нет. А что же ты сам искал все возможные пути, чтобы как-то к нему пройти и дать ему деньги. Потому что ты не уверен, что ты сдашь честно. Ты плохо учишься. Ты плохо подготовлен.

Тупые мухи смелее пчел

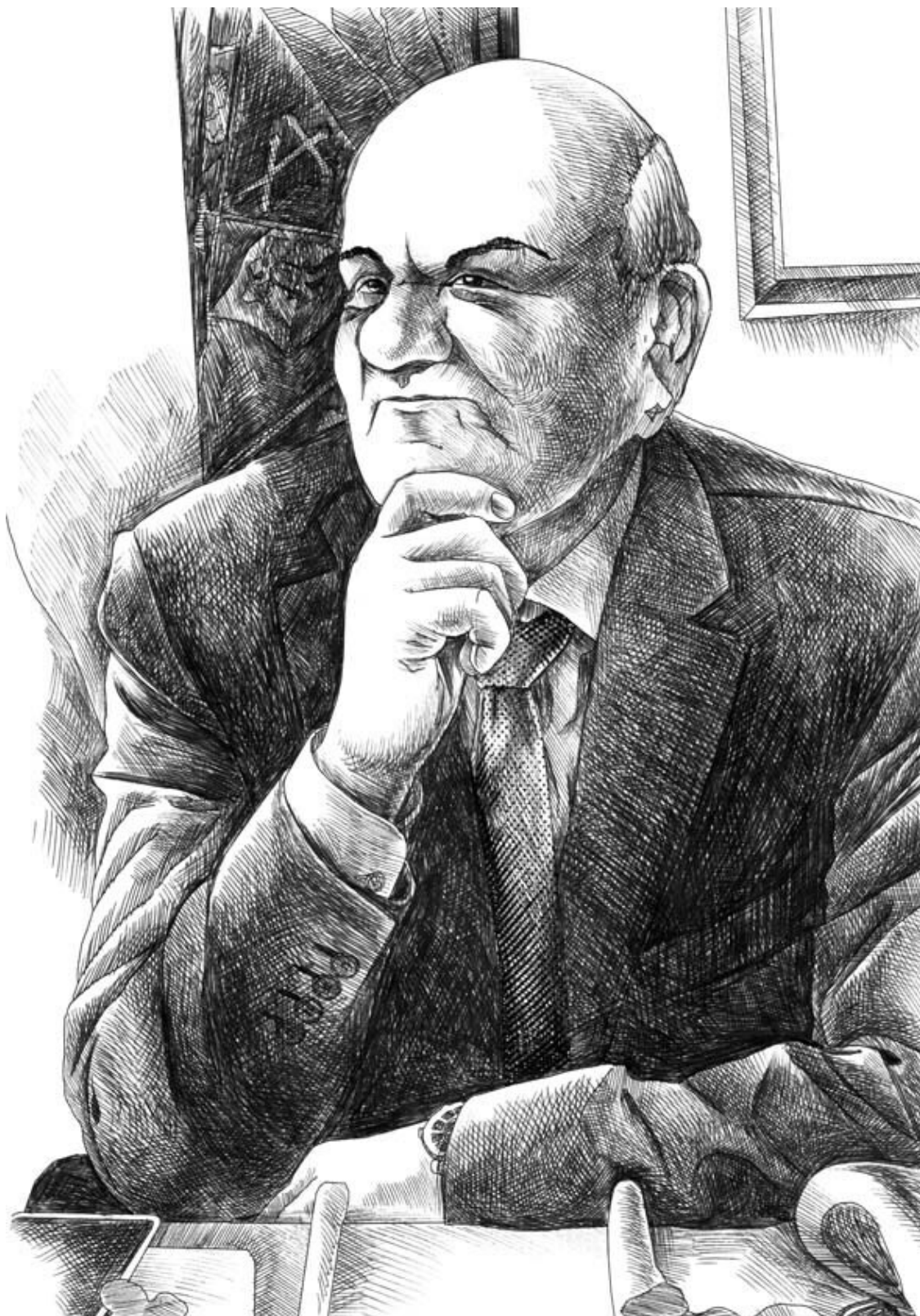
Боря Бабель продолжал отрабатывать гонорар, несмотря на общее состояние усталости от набившего оскомину набора, который он второй десяток лет воспроизводил на различных провинциальных площадках.

– Наша задача, сегодня, та-сказать, попробовать сверстать в первом приближении стратегии кандидатов в депутаты Государственной Думы и областного парламента, – жестикулировал метр консалтинга, – где-то уже действующих депутатов, где-то – будущих, я надеюсь. Это такая, очень практическая вещь – в мире политтехнологий это и есть правила рукопашного боя. Можно заниматься каким-нибудь сложным китайским кун-фу и стать большим мастером лет через десять. А если стоит задача человека быстро научить драться в полевых условиях, то вот это самая такая правильная и понятная история. Поэтому, соответственно, мы сейчас с вами как бы попытаемся пройти интенсивный курс реальной драки, та-сказать, в полевых условиях. Первое, почему избиратели должны проголосовать именно за вас или вашу партию? Собственно, если у вас есть ответ на этот вопрос – это замечательно. Если у вас его нет, то вы ведете кампанию без стратегии и это плохо. Я не знаю, не могу даже согласиться – не правильная стратегия или отсутствие стратегии – что хуже. Насчет неправильной стратегии есть такая история, когда сделали опыт. Взяли обычную бутылку. В нее пустили мух и пчел. Бутылка была помещена в темную комнату, у доньшка бутылки был источник света. Вот скажите мне, кто умнее, мухи или пчелы?

Зал, включавший политическую элиту края, оживился.

– Пчелы. Замечательно, – закивал Борис, будто Рихтер после исполнения кантаты, – Что произошло с пчелами? Они же умные. Они понимают, та-сказать, что там, где источник света, туда и надо лететь. И, соответственно, они туда и летели. Что с ними произошло? Они там сдохли. Мухи, они тупые. Они летают хаотично.

Губернатор опять оторвал глаза от планшета. Ему ли было не знать, сколько стоил Бельгограду этот чирикающий про паразитов политолог. Он ощутил потребность в каком-то другом содержании, но к нему наклонился сидевший рядом полпред: «Лихо он все раскладывает, доходчиво».

На самом деле областной чиновник привлек столичных политологов лишь для того, чтобы Москва не заподозрила его в жадности. Так, если кто-то потребует отчитаться за вероятные провальные результаты на выборах, у знатока подковерных интриг всегда есть сильная карта: «Старались. Вот какие астрономические суммы тратили».

– В итоге, летая по совершенно разнообразным траекториям, – продолжал с восторгом на лице Бабель, – мухи рано или поздно попадали в горлышко и вылетали.

«Черт с ним, – пришел к выводу глава, опять углубляясь в чтение – Для народа доступно. Лишь бы в деле не подвели».

– С другой стороны, та-скать, примеры, описанные в литературе, когда подразделение австро-венгерской армии заблудилось в горах, – продолжал пресноплюй, – в конце концов нашли карту. Были очень довольны, вышли по ней. Карта спасла. Потом выяснилось, что они были в Пиренеях, а карта была Альпийской. Но само по себе наличие карты их мотивировало на то, чтобы просто собраться и куда-то двигаться. Но у нас сейчас, например, если брать последние события, мой товарищ хороший Борис Щеглов начал проект партии «Здорового образа жизни». У них как бы все вместе – и не правильная стратегия и отсутствие стратегии, перемежающие друг друга. Почему я как раз скептически отношусь к перспективам этой партии. Дальше. Соответственно мы же не можем знать потребности каждого избирателя. И гипотетически наши американские коллеги пытаются это сделать. У них есть персональный файл на каждого человека. Просто на каждого – с историей его голосования, с партийными предпочтениями, на которые они еще могут наложить и его потребительскую историю: кредиты, покупки и так далее. Это те инструменты, которыми мы здесь и сейчас, к сожалению, не располагаем. Соответственно, мы выбираем модель электората – кто, собственно, наши избиратели. И пытаемся понять, почему именно эти избиратели должны проголосовать за нашего кандидата. Соответственно, какие у нас есть подходы? И я могу сказать, я этим занимаюсь с девяносто третьего года. Мы были первыми, та-скать, политконсультантами. Есть несколько базовых подходов. К сожалению, они до сих пор существуют. Первый подход, та-скать, что нравится мне и моим друзьям, то должно понравиться и всем моим избирателям. Вот у нас был кандидат, например, которого мы долго и аккуратно переубеждали. А он нам все говорил, как выбрать плакат. То, что нравится моей жене, то должно понравиться и избирателю, потому что у нее безупречный художественный вкус. Мы ему долго объясняли, что это далеко не так. Соответственно подразделы – а давайте сделаем программу, такую замечательную программу. Причем бывают кандидаты, которые переписывают эту программу по десять раз. Ручками черкаются, заклеивают, что-то там на компьютере шарашат. Вот придумай программу и все будет хорошо. Или, второе, типа, все железнодорожники голосуют за железнодорожников. Третье, аппаратно, мы договоримся с начальниками и они как-то обеспечат. Ну, та-скать, не работает.

– С аппаратным подходом, какая история, – лаконично вклеился в монолог Левко, – Вот если остальные наивные подходы еще срабатывают. Да, это случается. Особенно, когда округ небольшой. И понятно, куда ехать, более менее политическое содержание очевидно. То аппаратный подход не работает никогда. Почему? Потому что это две разные политики. Выборы – это сфера публичной политики. А аппаратный подход – это элитная политика. Это когда терки, да? И на самом деле вы сами опытные люди. Вы знаете, что то, что происходит на терках – на публику выносить нельзя.

Упоминания о терках оживило атмосферу. Даже сидевшая в глубине зала Лариса Муратовна – дамочка со слишком глубоким декольте и богатой причинно-следственной историей, что-то с улыбкой прошептала своему вечному оруженосцу Андрею, который учтиво кивнул и растянул свой рот, лишенный губ, обозначая солидарность с шефом. Эта телевизионная пара, рулившая информационным полем на одном из телеканалов Бельюграда, очутилась на семинаре без особого энтузиазма. Им, прошедшим десятки подобных кампаний, было предельно понятно, что и в этот раз бюджет программ почувствует изобилие. Главное – успеть удвоить стоимость размещения политического материала. И котел телекомпании пополнится усердием ног полуголодных деревенских девочек-корреспонденток, которые будут в конечном итоге размешивать спущенный сверху контент.

– А у нас продолжением аппаратного подхода является вынос того, что происходит на договоренностях с элитой на публичную плоскость, – заканчивал свою реплику Богдан, – Люди это не воспринимают и сразу кампания схлопывается.

– Так, дальше, – вновь включился Бабель, разглядывая следующий слайд презентации, – Социально-экономический подход. Кто знает, что это такое?

Зал молчал, и Фурер уже не обнаруживала намерений говорить.

– Избиратели голосуют из своих интересов, – прочитал Борис текст с экрана, – К сожалению это не так. Избиратель далеко не так рационален, как нам хотелось бы. И до избирателя не так просто донести, а что, собственно, является для него выгодой. Потому что людей, которые обладают системным подходом, та-скать, которые могут достоверно описать последствия той или иной политики, в общем-то, достаточно немного. Более того, хуже всего в этом разбирается наша российская интеллигенция. Например, российская интеллигенция, особенно московская, университетская, с радостью голосует за либеральные подходы, не понимая, что в рамках либеральных подходов одна из ключевых историй – это сокращение любого образования. И они первыми окажутся на улице, если все эти подходы полностью реализовать.

В первом ряду у кого-то зазвонил телефон, распространяя вечный березовый хит Расторгуева в полифоническом формате. Грузная спина, обтянутая генеральским кителем, пришла в суетное состояние. Дедушка встал, повернулся к залу:

– Я, конечно, извиняюсь, – громко заявил высокопоставленный офицер, – Вынужден бежать, Москва вызывает. Оставляю тут своих помощников. Всем удачи на выборах.

Лампас устремился к выходу, игнорируя удивленный взгляд губернатора, который по праву оставлял за собой привилегию всегда уходить первым. Но герою Чечни, давно открывавшему любую столичную дверь легким пинком своей лакированной туфли, было совершенно плевать на местные устои. Он понимал, что при любых раскладах, здесь все будет так, как должно.

– Модель идеального кандидата, – продолжил лекцию Бабель, проведив дорогой блестящий затылок взглядом, – Это классическая история, ловушка, в которую попадают очень часто провинциальные социологи: «давайте мы спросим у избирателя, какие качества должны быть у идеального кандидата, а потом мы попытаемся подогнать нашего кандидата под образ идеального кандидата». Как для женщины – «чтоб не пил, не курил, и цветы всегда дарил, и зарплату отдавал, тещу мамой называл». Практика показывает, что девяносто процентов мужей не соответствуют этим критериям. Однако семьи как-то существуют, производят детей, в общем-то, являются вполне себе по большей части нормальными ячейками общества. И, соответственно, важный момент, избирателю совершенно необходимо ответить на один вопрос. Не на много разных, а на один вопрос, который для него важен именно сейчас.

Борис щелкнул пальцем по брелочку, перелистнув картинку далее.

– Вот, соответственно, проблемный подход. Тоже чудесная история и элементы этого тоже можно использовать. Бери социологию. Три верхних проблемы по иерархии. И, вот, та-скать, мы будем их решать. Это может работать. Кандидат говорит: «У нас плохие дороги». Но кандидат в силу своего опыта не способен решить эту проблему. Или способен? При чем разные типажи кандидатов решают эту проблему по-разному. Комплексный подход, типа, давайте у нас этот займется политическим позиционированием, этот – личностным, этот – проблемным, этот – контр позиционированием. То есть соответственно создается огромная бюрократическая машина, где каждый занимается чем-то и, собственно, получается «лебедь, рак и щука».

– Можно я? – опять вмешался Левко.

– Да, – вполне безэмоционально кивнул Бабель.

– Вот, смотрите, мы вытащили эту фразу из учебников, – Левко погладил себя по небри-той щеке, изображая задумчивость, – В чем смысл подхода, который комплексным называется? Я просто читаю для тех, кто не видит. «Голосуйте за Ивана Ивановича. Он истинный демократ, высокопрофессиональный экономист, знает, как решить проблемы ЖКХ, экологии, рабочих мест. В отличие от конкурентов не является номенклатурным чиновником». Вот иди,

попробуй, донеси такое послание до избирателя. Это просто технологически очень сложно. И когда ты начинаешь бить его на куски и пропагандой отдельных кусков заниматься, происходит расфокусировка. Вот я очень хорошо помню, как в нулевых годах, большие сетевые агентства занимались этой вот историей. Почему? Потому что у них выборы стояли на потоке. Было там пятьсот кампаний в избирательный цикл. И им нужны были какие-то критерии для того, чтобы как-то в одну кучу это все сводить. Это скорее удобнее технологам, чем реально работает на результат. Хотя в принципе, комплексный подход работает лучше, чем те, которые мы выше описали. Но опять-таки не подходит.

– Хотя, прошу заметить, – вернул себе инициативу Бабель, указывая жестом Богдану присесть, – американцы в своих социологических исследованиях делают это так. Наши бы с ума сошли от их вопросников. «Проголосовали бы вы за кандидата, который является хорошим семьянином, членом демократической партии и поддерживает повышение налогов, та-скасть, на богатых?» У них это двигается, но там очень структурированное политическое пространство, чего нет у нас. То есть у них на самом деле борьба ведется за десять процентов не определившихся, а остальные за ту или иную партию. А где-то вообще борьба не ведется. У них там конкурентными являются из нескольких сот округов где-то пятьдесят. А в остальных, или республиканцев больше, либо демократов. И, соответственно, они даже усилия на это не тратят.

Новый слайд. Среди красных кресел зала кто-то из собравшихся листает страницы смартфонов, другие – уже откровенно спят, не закрывая натруженных глаз. Министр образования, прикрыв рот ладонью, зевает. На другой соте начальница управления, оправдываясь перед Славой, свободной рукой показывает красноречивый кулак бледной помощнице по округу.

– Ну, соответственно, проблемно-адресный подход, – монотонит Бабель, примостив зад к столешнице под президиумом, – для каждой группы разработать свой вариант, то есть, собственно, по соцдему, по аудитории. Сегодня мы разговариваем с пенсионерами. Завтра – с молодежью. Послезавтра – говорим с учителями. Очень сложно это все раздробить. Особенно, когда есть набор посланий, которые не дробятся. Ну, например, баннерная кампания. Вы же не можете сказать, что вот этот баннер для пенсионеров. Вы, пожалуйста, учителя не смотрите. Ваш баннер – следующий. Но вот проблемно-адресный подход – это тот подход, которым пользуются в развитых демократиях. Особенно через социальные сети и через директ-мейлы. Когда ты точно знаешь, к кому, та-скасть, обращаешься. У нас даже таких социологов найти сложно. Даже в Москве их всего три, и они стоят каких-то космических денег. А дальше, когда он тебе выделил эти сегменты, у тебя нет канала коммуникации с ними. И такая кампания получается очень дорогой. Поэтому если мы, например, американские бюджеты выборные посмотрим, то у нас столько нулей в голове не помещается, сколько у них.

Губернатор опять оторвался от планшета и едва заметно мотнул головой в бессловном «ух ты».

– Ну и, соответственно, рекламный подход, – вещал политолог, скрестив руки на груди, – красивая реклама, яркий слоган. Я всем рекомендую смотреть рекламу нашей фруктовой партии девяносто третьего года. С частушками. В интернете можно найти. Прекрасно снятый рекламщиками, которые никакого не имеют отношения к политической составляющей.

– Смотрите, рекламный подход на самом деле штука не плохая, – встал со своего кресла без спроса Богдан, – Во-первых: выжженная земля. После того, как ты с рекламным подходом избирался, тебе в следующие выборы заходить очень тяжело. Потому что у тебя отсутствует политическое содержание. Вот если оппонент начинает продвигать политическое содержание, перебивать его рекламным подходом тоже можно, но это будет стоить в десять раз дороже. Красивая реклама работает, когда коммунист не говорит тебе, а почему вы не решаете вот эту и эту проблемы. Как только он переходит в политическое содержание, так мы сдуваемся. Если политического содержания в кампании нет, а так бывает, на муниципальных выборах особенно, пожалуйста, шарашь рекламный подход. И будешь молодец. То есть он не так плох,

как кажется, но просто в нашей конкретной ситуации – не применим. Мы сейчас видим, что оппозиция выходит на митинги. И сегодня вот выйдет. Они нас поливают политическим содержанием. Мы одним рекламным подходом их не перебором в этом смысле. Нам нужно свое политическое содержание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.